

[Небольшое объяснение перед главой. Иллюстрации второго тома являются платными, так как мы заказывали их перевод у другой команды. Как только нужная сумма наберется мы их сами же откроем для всех.]

***

Я проснулся от последних солнечных лучей этого лета, пробивавшихся сквозь щели в шторах.

Я приоткрыл глаза, посмотрел на часы, висящие на стене, и потянулся на кровати.

9:03 утра.

— Дерьмо, я в школу опаздываю?!

Но, стоило мне подняться, я осознал, что сегодня суббота.

Вздох Я запаниковал без причины.

Кстати, вчера был культурный фестиваль. Культурный фестиваль в нашей школе всегда проводился в пятницу, а следующий день считался началом небольших каникул.

Сегодня был первый день трехдневного уик-энда.

Я решил немного вздремнуть, подтянув одеяло, которое скинул к стене ранее, но шестеренки в моем на мгновение проснувшемся мозгу начали медленно вращаться.

По спине пробежал холодок. Я словно знал инстинктивно.

Что было бы лучше, если бы я не помнил.

Но, когда моя настороженность вернулась, неизбежно вернулись и мои воспоминания.

Ни о чем не думай... Просто поспи пока... Верно, просто...

— Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯЯЯЯ!... Ахх.

Я вспомнил.

Я вспомнил всего на мгновение, и, в конце концов, мои воспоминания хлынули, как

наводнение.

«Я наконец понял, что ты все это время была рядом со мной! Я был спасен, потому что ты была рядом со мной! Прости за все проблемы, которые я тебе причинил! Я могу и дальше доставлять тебе неприятности, но ты тот человек, который мне нужен!»

О нет, о нет, о нет, о нет, о нет, о нет.

Тревога. Тревога. Немедленно прекратите все мыслительные процессы. Немедленно прекратите все мыслительные процессы.

Мой разум был в кризисе. Нельзя допустить дальнейшего обострения ситуации. Я ввел полное эмбарго на мыслительный процесс.

Во всяком случае, если бы я сосредоточился на более приятных вещах... О да, я мог бы сыграть в игру в цепочку слов*... с именами айдолов из гравюрных журналов!

[П/П: Как уже догадались некоторые из наших более опытных читателей, это Ширитори.]

Хорошая работа, Суехару! Отличная идея! Если бы я смог осилить хотя бы десять человек, я бы, наверное, успокоился!

Начнем с буквы «А». Анзай Маая... Хорошо, я неплохо справляюсь. Затем идет «Я».

Я... Я...

— Нет*.

[П/П: Печально известный отказ Курохи Суехару в конце первого тома произносится как «-Яда» в исходном тексте, отсюда и шутка. Однако на английском это работает не так хорошо.]

... Ах.

Видишь, я знал это. Я знал, что вспоминать об этом – плохая идея.

Вспоминать о таких вещах, блин...

— Ааааа!

Я нырнул на кровать и зарылся лицом в подушку, крича как можно громче.

— Ты идиот, ты идиот! Боже, какой я идиот! Что, черт возьми, я делал?! Почему я старался вести себя круто, просто чтобы меня так изящно отвергли?! Что мне теперь делать?! Как я с этим справлюсь?! Как мне поступить, когда я пойду в школу во вторник?! Оох, я ничего не могу поделать!

Голова кружилась от невероятного смущения.

На этот раз я действительно сделал это. Я по-царски облажался, не имея роскоши и думать о том, можно ли спасти ситуацию или нет.

— Блин, я действительно слишком забежал вперед, не так ли?! Тебе в голову пришла мысль, что, если ты победишь Абэ, у тебя будет стопроцентный шанс добиться признания? Ты думал, что, раз это была Куро, она определенно примет это признание? Идиот! Идиот! Посмотри, как все обернулось! Какой же я клоун! Я имею в виду, Куро сблизилась со мной довольно агрессивно... или, по крайней мере, я так думал. И она всегда была такой любвеобильной рядом со мной... Вот почему я просто... Ааааа!

Я ударился головой о стену. Я делал это снова и снова, игнорируя раздающийся стук.

— Я такой идиот! Я глупый, тупой, безмозглый кусок идиота! ЫАААА!

— Перестань шуметь с утра пораньше, Суехару!

Из соседнего дома раздался голос.

Он принадлежал второй по старшинству дочери семьи Шида – Мидори.

Семья Шида обитала в соседнем доме. Там жили знаменитые «Четыре сестры Шида», старшей из которых была Куроха.

Они были довольно хорошо известны. Их слава распространялась не только на окрестности, но и на соседний город.

Во-первых, это было довольно редким явлением – четыре сестры в одной семье. Достаточно редко вообще можно было увидеть у кого-либо четырех детей, еще реже все они были девочками. И, если бы все они оказались еще и милыми, это было бы почти чудо.

И все же здесь произошло именно то самое чудо.

Старшая дочь, Шида Куроха. Ученица второго курса старшей школы.

Вторая дочь, Шида Мидори. Ученица третьего курса средней школы.

Третья дочь, Шида Аой. Ученица первого курса средней школы.

Младшая дочь Шида Аканэ. Также учится на первом курсе средней школы.

Группа поклонников называла их «Четыре Прекрасные Сестры Семьи Шида» или же «Красочные Сестры». Этому, по-видимому, способствовало то, что все четыре сестры имели по одному кандзи, обозначающему цвет, в своих именах*. Несмотря на прямоту такого прозвища, я думаю, что эту связь установить довольно легко.

[П/П: По порядку: Куро = черный, Мидори = зеленый, Ао = синий, Ака = красный.]

Комната напротив меня принадлежала Курохе, а комнаты на этаже – ее сестрам по порядку. Таким образом, комната Аой и Аканэ, близнецов первокурсниц средней школы, была самой крайней на этаже. И, когда я сходил с ума в своей комнате, это было достаточно громко, чтобы Мидори могла слышать все из своей комнаты, где она сейчас и находилась.

Мидори была второй из чудесных «Красочных сестер», и, как показывает ее резкая манера речи, она была грубейшей среди них.

— Это ты здесь шумная, Мидори! — ответил я, выбежав на веранду.

Честно говоря, я просто пытался излить свой гнев. В то же время, конечно, я чувствовал себя достаточно комфортно, говоря это, ведь знал, что меня слушает именно Мидори.

— Че ты сказал, Суехару?! По-твоему, это моя вина?!

Мидори сжала руку в кулак и погрозила мне ей. Сила, которую я чувствовал в этом жесте,

сильно превосходила девичью. На самом деле, бицепс у нее был развит довольно хорошо.

Мидори была сестрой Курохи на два года младше нее, и училась на третьем курсе средней школы. Она была довольно агрессивной личностью, совершенно не вяжущейся с образом «одна из сестер Курохи».

Она была 170 сантиметров ростом, вдвое выше Курохи*, и обладала достаточно хорошими спортивными способностями, чтобы выступать на национальных летних соревнованиях по теннису за счет мощи и скорости, которые она имела благодаря своей долговязой фигуре.

[П/Р: Я искренне сомневаюсь, что рост Курохи - 85 сантиметров. Возможно, в оригинале было утрирование, которое потеряли при переводе на английский.]

Чертой ее внешности, на которую люди обращали внимание в первую очередь, вероятно, были ее мальчишеские короткие волосы. Это соответствовало ее агрессивному характеру, и для меня Мидори была чем-то более близким к младшему брату, хотя правда заключалась в том, что среди четырех сестер у Мидори был самый большой бюст. Таким образом, каким бы она ни была сорванцом, я никогда не мог видеть в ней парня. Благодаря тому, что она была младшей сестрой Курохи, черты ее лица также были довольно милыми.

Даже сейчас, в футболке и шортах, составлявших ее совершенно обычную домашнюю одежду, ее сильные красивые ноги и выдающийся бюст безошибочно подтверждали, что она девушка. На самом деле, ее стиль был слишком выдающимся, а одежда - довольно компактной. Она выглядела так, будто находилась в самом разгаре периода полового созревания, и то, что ей сейчас идеально подходило, скоро станет слишком маленьким.

В глубине души я хотел отрицать это, думая: «Хмм, непривлекательное тело ученицы средней школы не побеспокоит старшеклассника вроде меня, понимаете?», но на самом деле она была намного более соблазнительной, чем даже Куроха, настоящая услада для глаз.

Очевидно, Мидори я старался никогда не говорить никаких комплиментов такого рода. Если бы я это сделал, нахальная Мидори, несомненно, запомнила бы все и бесконечно хвасталась бы потом.

— Мидори, у тебя действительно плохая манера речи. Вот почему ты более популярна среди девушек.

Застывший взгляд Мидори дал мне понять, что я нечаянно использовал запрещенную фразу.

Вышесказанное было ее частой жалобой.

«Меня беспокоит, что среди девочек я более популярна, чем среди мальчиков.»

Иногда она находила в своем обувном шкафчике любовные письма, написанные другими девушками. Странно, учитывая, что у меня никогда раньше не было такого опыта, не так ли? С этим миром точно все в порядке?

Или так я думал, осознавая в то же время, что я должен проявить великодушие, как старший, и показать понимание ее тяжелого положения, как я всегда раньше и делал. Тогда это не превратилось бы в ссору. Жизнь такая глупая...

— Суехару! Ублюдок, ты только что сказал то, чего не должен был...

Мидори начала брать в руки теннисные мячи и размахивать ими.

Я в панике упал на колени.

— Воу, Мидори! Я понял, я понял! Я перешагнул черту! Я прошу прощения, так что, пожалуйста, дайте мне сегодня поблажку!

После сценки с Мидори ко мне вернулось присутствие духа, но, очевидно, не то количество энергии, которое у меня обычно бывало во время потасовок с ней.

Оказалось, что в этом состоянии я пробудил подозрения Мидори.

— Что случилось, Суехару? Ты будто сам не свой. — спросила она, опершись локтем на оконную раму.

— ... Не важно.

— Эй, не говори так. Не тогда, когда я спрашиваю, потому что я вроде как пытаюсь сделать тебе одолжение, слушая твое нытье.

— Это твой способ заставить кого-то открыться тебе? У тебя действительно нет качеств, которые требуются от консультанта. В такие моменты нужно быть как Куро, и...

Мое кровяное давление резко возросло, когда я это сказал. Я был так сильно поражен, хотя назвал только ее имя. Я действительно что-то с чем-то.

— ... Продолжай.

— Я сказал достаточно. Это все не имеет значения, правда?

— *Вздых*

Мидори демонстративно долго вздохнула.

— Старшая сестра Куро вела себя странно со вчерашнего дня, и ты тоже. Что-то случилось?

— ... Ничего.

— ...

Взгляд Мидори был абсолютно холоден.

Что, это была идеальная актерская игра, у тебя с этим проблемы?

— Хм, ну что ж. В любом случае, когда доходит до такого рода вещей, я всегда не в теме.

— Почему ты дуешься?

— Я не дуюсь!

— Дуешься.

— Тц... Да пофиг!

Она захлопнула окно и ушла.

— В чем ее проблема?

Пожалуйста, не реагируй так, чтобы я не мог понять. Мой разум уже запутан, и я больше не понимаю девушек, так что, если я не могу понять даже тебя, тогда я действительно буду слишком растерян и сбит с толку.

Когда я вздохнул и отвернулся от веранды, возвращаясь в свою комнату, позади меня раздался голос.

— Эмм... Старший брат Хару.

— Аой-тян, не так ли?

Лицо, появившееся в окне, принадлежало третьей дочери семьи Шида, Аой.

Первокурсница средней школы, Аой, была старшим близнецом самой младшей дочери семьи Шида, Аканэ.

Она была хрупкой и стройной, небольшого роста, примерно 150 сантиметров, но все же немного выше Курохи. Депрессия Курохи из-за того, что Аой обогнала ее по росту, была поистине ужасной. Но, что касается размера бюста, Куроха все же легко победила, так что от Аой... от нее можно было ожидать большего в будущем.

Два очень аккуратных черных хвостика ниспадали ей на бедра. Она была самой женственной из четырех сестер, увлекалась шитьем и имела страсть к сладким вещам, милой одежде и куклам.

— Это правда, что ничего не произошло?

Похоже, она слышала предшествующий разговор.

— Старшая сестра Мидори сказала, что Старшая Сестра Куро со вчерашнего дня вела себя странно, и я немного волнуюсь... И из того немногого, что я слышал ранее, Старший брат Хару, ты тоже... — сказала Аой со слезами в уголках ее больших глаз.

— Пожалуйста, расскажи мне что-нибудь, если я могу помочь. Возможно, я не смогу сделать много, но я сделаю столько, сколько смогу, чтобы...

Мои щеки смягчились от ее искреннего внимания.

Она была слишком добра. Слишком заботлива до такой степени, что пренебрежение собой стало ее привычкой и поводом для беспокойства окружающих.

Она принадлежала к одному из идеальных типов «младшей сестры». Таким было мое впечатление об Аой.

— Спасибо, Аой-чан, но я почти уверен, что мне придется что-то с этим делать самому...

Я был жалок, заставил беспокоиться первокурсницу из средней школы. Знание того, что она выслушает что угодно, вызывало у меня искреннее желание поговорить с ней, но даже в этом случае я, очевидно, не мог позволить ей услышать о любовных осложнениях между ее «настоящей сестрой» и «старшим братом, с которым она хорошо ладила, жившим по соседству».

Упс. Когда я думал об этом в таком ключе, мысли о любви, когда все так запутанно или воспламенено, не были поводом для шуток.

— Я понимаю...

Аой выглядела удрученной. Очевидно, она ошибочно думала, что я не могу сказать ей, потому что не доверяю. Она была невероятно добродетельной девушкой, до такой степени, что было бы трудно найти в ней что-нибудь похожее на недостаток. Тем не менее, она также была невысокого мнения о себе и была склонна считать, что виновата в том, что что-то пошло не так.

Итак, я заговорил.

— Спасибо за заботу, Аой-чан. Честно говоря, ты мне уже очень помогла, просто поговорив со мной. Так что не смотри таким грустным взглядом, ты должна гордиться.

— Нет...

Аой очаровательно сжала обе руки перед грудью.

— Я... Нет, это мы те, кого спасли, Старший брат Хару. Ты всегда меня подбадриваешь, и я считаю, что на тебя можно положиться.

Серьезно, эта девушка... Она была искренней, милой, благородной и невинной. Все это очень било по моим защитным инстинктам. Разговор с ней исцелил мое сердце и заставил меня желать сделать для нее все.

— *Вздых* Ты действительно хорошая девочка, Аой-чан. Хочешь вместо этого остаться со мной?

У меня были свободные комнаты, и она могла остаться в одной из них как моя приемная младшая сестра.

Аой на мгновение показалась встревоженной, но тут же расплылась в милой горькой улыбке.

— ... Ой, Старший брат Хару, ты всегда шутишь.

— Но я не шутил.

Ну, у меня было около девяноста процентов уверенности. Я думал, что было бы неплохо, если бы вышеперечисленное действительно произошло.

— ... Я очень рада твоему приглашению, но мне было бы жаль людей, которым ты тоже нужен, Старший брат Хару.

— *Вздых* Вот о чем я говорю. Сказать мне, что есть «люди, которым я тоже нужен», даже если ты просто пытаешься быть вежливой... Мидори могла бы кое-чему научиться у тебя, Аой-чан.

— Умри, тупой Суехару!

— Ого, так ты подслушивала, Мидори?

Окно рядом с окном Аой внезапно открылось, и из него раздался грубый голос Мидори.

Я немедленно встал, чтобы встретить новый вызов, и Аой горько улынулась. Я не заметил ее ревнивых глаз.

***

— Ого, так ты подслушивала, Мидори?

В оцепенении лежа на кровати, услышав голос Суехару, Куроха проснулась.

Сначала она нервно подслушивала, но... ее неудовлетворенность постепенно накапливалась.

Когда Суехару, наконец, удалился, и за окнами воцарился мир, Куроха яростно бросила подушку, которую она держала изо всех сил, на пол.

— Ааааа!

Направляя всю свою ярость в кулаки, она усиленно сопротивлялась искушению открыть окно и закричать. Она несколько раз ударила по подушке.

— Ох, Хару, ты идиот! Ты идиот! Идиот, идиот, идиот! Это все твоя вина, Хару! Если бы ты принял мое признание с самого начала, тогда ничего из этого... Ооох!

Она не знала, сердиться ей или плакать.

Кровь прилила к ее голове, и она почувствовала, что ее щеки покраснели, а лицо было достаточно горячим, чтобы у нее закружилась голова.

— Я выиграла! Я однозначно выиграла! Я была абсолютным победителем! Так почему... почему

я... Что я собираюсь делать?! Как мне встретиться с Хару?! Ооооо... я хочу умереть, я хочу умереть, я хочу умереть!

Куроха каталась по ковру в обнимку с подушкой.

— Старшая сестра Куро, что ты делаешь?!

Мидори потянула дверь на себя, пока говорила, но та не сдвинулась, будучи запертой на ключ. Действовать, не думая наперед, было в духе Мидори... но ее самонадеянность только усилила гнев Курохи.

Куроха впиалась взглядом в дверь, затем швырнула в нее подушку.

— Мидори! Достаточно, пожалуйста, уходи!

Вероятно, она смогла оценить степень гнева Курохи по удару подушки о дверь. Голос Мидори стал напряженным.

— Ой, и ты злишься на меня? У тебя действительно плохое настроение.

— Если ты собираешься жаловаться, Старшая сестра не возражает против того, чтобы привести твою личность в форму, понимаешь?

— Хорошо, я поняла! Тц, серьезно, сначала ты, потом Суехару... Что, черт возьми, происходит?

Мидори ушла, бурча и жалуясь себе под нос.

После того, как Куроха убедилась, что голос Мидори растворился вдалеке, напряжение почему-то покинуло ее.

— В самом деле, что я буду делать...

Сначала она с глухим стуком упала на ковер, затем притянула к себе подушку и крепко прижала ее к груди, чтобы унять беспокойство.

— Я зашла слишком далеко, пытаюсь отомстить ему...

Чувства нельзя было контролировать.

В тот момент... Вплоть до того самого момента, когда ей признались, Куроха планировала принять это признание. Но месть покорила ее сердце, и в своем уме она пришла к такому же выводу.

В конце концов, она любила его. Она не знала, испортятся ли их отношения, если она отвергнет его.

Но в самый ответственный момент она это сделала.

Чем больше она хладнокровно думала об этом, тем больше казалось, что она слишком остро отреагировала.

Если бы она хотела отомстить, она могла бы, например, тщательно отругать его или что-нибудь подобное. Найти другой способ уже после того, как она примет его признание, и они начнут встречаться.

Если бы она отомстила ему, пока они были наедине, в худшем случае она могла бы извиниться, сказав: «Извини. В качестве расплаты я...», и они могли бы хорошо провести время разрабатывая какой-то обмен.

Но сейчас это более невозможно. Ее отказ на Фестивале признаний был слишком суровым. Она уже не могла вернуть все назад. «Извини, это была шутка...» не решило бы вообще ничего.

— Ооох, я такая дура... Я не могу винить Хару за это...

Она полностью самоуничтожилась. Взрыв был настолько впечатляющим, что захватил ее, ее цель и третью сторону в свой радиус и превратил их в пыль.

— Не пора ли возвращаться?

Она наивно посмотрела на дату, указанную на ее телефоне.

Это было 16 сентября, суббота. Культурный фестиваль точно закончился.

— Думаю, не выйдет, хах... Ооох, что я делаю?

Время шло меланхолично медленно.

После того, как она пробыла в одиночестве и депрессии, первой эмоцией, которая пришла к ней, был гнев.

— Если бы этой проигравшей собаки не было рядом, ничего из этого...

Она была горделивой трусихой, которая не могла даже поговорить с Суехару в классе, несмотря на то, что всегда украдкой поглядывала на него, но она также была лисицей, которая постоянно и незаметно перемещалась за его спиной. Узнав, кто являлся причиной, по которой Суехару отверг ее, Куроха посчитала ее чрезвычайно смелой, так как та осмелилась пересечь ей дорогу, и решила никогда ее не прощать.

Нынешняя ситуация явно работала в пользу Широкусы.

Отвергнув признание Суехару, Куроха не могла надеяться, что они будут ладить, как раньше. Широкуса же, с другой стороны, узнала важную правду о том, что «она нравилась Суехару в прошлом». Несомненно, теперь она решительно перейдет в наступление, заставив Куроху обороняться, и вынуждая ее продумывать план атаки с совершенно другого направления.

К тому же с возрождением актерского мастерства Суехару появилась возможность возникновения новых головных болей.

Куроха схватилась за голову.

— Что я буду делать...

Обстоятельства были неблагоприятными и поистине устрашающими. Это была ситуация, созданная ею же самой, но из-за которой ей хотелось молиться Богу.

— Но... я не могу проиграть.

Куроха встала, глядя на доску с фотографиями, висящую рядом с ее рабочим столом.

Из фотографий она выбрала одну, сделанную, когда она училась в младших классах начальной школы. Мать Курохи сделала этот снимок в день открытых дверей для родителей – фотография Курохи, тогдашнего представителя класса, пытавшейся собрать вместе их класс, и Суехару, который ей помогал. Они оба вместе смеялись.

Куроха пристально посмотрела на фотографию, прежде чем покраснеть и нежно прижать ее к груди.

— Потому что я тебя люблю.

***

— ... Хм?

Посреди массивной кровати, накрытой балдахином, проснулась Широкуса.

Когда она села на кровати, ляжки на ее плечах соскользнули. В оцепенении Широкуса разгладила неглиже. Было очень приятно ласкать эти белые кружевные оборки, составлявшие ее неглиже в стиле платья, казавшееся полупрозрачными на свету. Кроме того, у нее вошло в привычку использовать ощущение кружева в качестве тактильного стимула, чтобы быстрее просыпаться.

— Моя кукла Су-чана...

Широкуса всегда была склонна к низкому кровяному давлению и с трудом вставала после сна. Ее нефункционирующий мозг прежде всего хотел ее любимую куклу Су-чана.

Она в частном порядке попросила свою горничную сделать ее шесть лет назад после того, как Суехару перестал приходить в ее дом. Временами кукла переносила на себе всю тяжесть ее гнева, других эмоций, ее привязанности, и теперь, пройдя несколько раундов модернизации и ремонта, это была версия для средней школы (Кукла Су-чан вер. 5), которая была завершена неделю назад. Широкуса заметила ее на подушке и потянулась к ней.

Широкуса взяла «Куклу Су-чан» в руки, потянулась и подняла ее.

— Он был таким крутым...

Впервые за шесть лет она увидела танец Нью-куна вживую. Он даже был исполнен вместе с песней.

Когда Суехару вырос, его движения стали более динамичными и крутыми, чем раньше.

— Су-чан был таким крутым, и теперь я тоже стала ему равной...

Рядом действительно оказался человек, которым она восхищалась, и за которым следовала все это время.

Теперь она стала не просто поклонницей, но и профессиональным писателем. Другими словами, она, наверное, могла бы сказать, что стала кем-то достойным стоять рядом с ним.

Гордость и радость, которые она испытала от этого, можно было назвать возбуждением, и в

этот момент Широкуса почувствовала, что вся ее тяжелая работа увенчалась успехом.

— Су-чан...

Широкуса обеими руками обхватила голову куклы и медленно поднесла ее к себе.

Ее целью были его губы. Она приблизилась к...

«Ты... мне нравилась.»

Она остановилась незадолго до того, как их губы соприкоснулись.

— Оооох!

НравиЛАСь, НравиЛАСь, НравиЛАСь...

Широкуса села на своей кровати и подняла куклу Су-чан, прежде чем снова опустить ее, не подвергая жестокому обращению.

— УВААА! Су-чан, ты идиот!

Широкуса плакала огромными слезами, громко рыдая, как ребенок.

— Я... заставила тебя полюбить... Я много работала и заставила тебя полюбить меня! И все же... и все же... Су-чан, ты обманщик! Я тебе нравилась, так почему ты признался какой-то другой девушке?! Почему ты не мог удовлетвориться только мной?! Придурок, придурок, придурооок!

Комната Широкусы была размером около тридцати квадратных метров и хорошо звукоизолирована. Но, конечно, если она громко заплачет, это заметит кто-нибудь в коридоре снаружи.

Известия распространились быстро, и вскоре в ее большую дверь в западном стиле постучали.

— Широ, это папа! Что происходит?

— ...

Даже своему уважаемому и любимому отцу она не могла показать свое плачущее лицо, поэтому Широкуса предпочла проигнорировать его.

— Гм! Нет ответа! Это плохо, Широ могла потерять сознание от удара! Скорее принесите отмычку!

— По правде говоря, я рассматривала такую возможность, поэтому у меня она прямо здесь.

— Отличная работа! Широ, папа идет!

— О нет, нет, нет.

Слишком поглощенная эмоциями, чтобы найти слова, способные остановить его, Широкуса была в панике.

Во всяком случае, она не могла позволить открыть дверь. Если бы это случилось, ее отец обнаружил бы куклу Су-чан, которая была сделана втайне от него, а также увидел бы ее покрасневшие глаза и нескромное неглиже.

— Нееет!

— Широ! Папа... Уф!

Внезапно Широкуса бросила электронный словарь, положенный ей на кровать, как раз в тот момент, когда ее отец открыл дверь!

Словарь ударил ее отца прямо в голову, и он потерял сознание, все еще находясь в коридоре.

Широкуса посмотрела на горничную холодным взглядом.

— Простите. Не могли бы вы придумать какое-нибудь случайное оправдание для папы?

— ... Понятно, миледи.

Тихо извинившись, Широкуса снова заперла дверь. Затем она взяла куклу Су-чан, которую быстро отбросила ранее, и пристально посмотрела на нее.

— Су-чан, ты идиот...

Кукла не могла ответить, но по непонятной причине что-то заставило Широкусу почувствовать себя удовлетворенной.

— Но я все еще люблю тебя.

Конечно, ответа не было, но она знала, что краснеет.

— Я еще не проиграла. Я покажу, что могу забрать сердце Су-чана у этой вороватой кошки. Как ни странно, именно она научила меня этому.

Куроха когда-то была отвергнута, но она продолжала сражаться и заставила Суехару влюбиться в нее. Другими словами, можно было заставить другую сторону полюбить даже после того, как вас отвергли.

— Кроме того, меня не отвергли! Я заставила его влюбиться в себя! Просто та вороватая кошка, которая чуть ближе к Су-чану, использовала свои грязные методы, чтобы водить его за нос!

Да, да, Су-чан не виноват. Это все та вороватая кошка. Ошибки быть не может.

Но...

— Как мне выглядеть, когда я встречу с Су-чаном?

Как себя чувствовал Су-чан сейчас? Раньше она ему нравилась, а теперь уже нет? Разве это не так? Если любовь Су-чана к ней можно принять за 100, то его любовь к этой вороватой кошке стала $100 + 1$, но только «временно», верно? Если так, то они в любом случае будут примерно равны, и, учитывая его скрытую привязанность к ней, значение вещей во вселенной и так далее, разве это не было для нее чистой победой? Так что ей не составит труда все изменить, не так ли?

Похоже, у нее все еще был неплохой шанс. Но, вспоминая, как Су-чан однажды влюбился в нее...

— Это так неловко...

Ее лицо покраснело, и она почувствовала, что не сможет показать его ему должным образом. Было ощущение, что оно сейчас сгорит до хрустящей корочки.

С другой стороны, размышления о том, что Суехару теперь больше всего нравилась эта вороватая кошка, разозлили ее настолько, что она захотела дать ему пощечину.

— Ооох!

Она снова заплакала.

Широкуса обняла свою куклу Су-чан сзади, прижавшись щекой к ее затылку.

— Су-чан идиот... И я тоже идиоткааааа...

Ее голос распространялся и рассеивался, как водяная рябь, в пределах ее экстравагантной комнаты.

От куклы ответа, конечно же, не было.

Итак, вторник для них троих начался...

<http://tl.rulate.ru/book/30412/1384264>